

Ю. П. Гармаев, Е. И. Попова

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ
СЛЕДОВАТЕЛЕМ
НОРМ
ОБ ОСОБОМ ПОРЯДКЕ
СУДЕБНОГО
РАЗБИРАТЕЛЬСТВА
(ГЛ. 40 УПК РФ)

**Елена Ильинична Попова
Юрий Петрович Гармаев**

**Использование следователем
норм об особом порядке
судебного разбирательства
(гл. 40 УПК РФ)**

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=19429570

*Использование следователем норм об особом порядке судебного
разбирательства (гл. 40 УПК РФ) / Ю. П. Гармаев, Е. И. Попова: НЮИ
(ф) ТГУ; Новосибирск; 2015
ISBN 978-5-91864-071-5*

Аннотация

В монографии изложены правовые основы, теоретические положения и основанные на них прикладные рекомендации по применению следователем, а также иными участниками процесса норм об особом порядке (гл. 40 УПК РФ) на досудебных стадиях уголовного судопроизводства. Издание адресовано ученым, преподавателям и студентам юридических вузов, работникам органов предварительного расследования, других правоохранительных органов, учреждений повышения квалификации, а также широкому кругу читателей,

интересующихся уголовным процессом и криминалистикой, оперативно-розыскной и адвокатской деятельностью.

Содержание

Введение	7
Глава 1.	15
1.1. Концепция компромисса как методологическая основа криминалистического обеспечения деятельности по применению норм об особых порядках судебного разбирательства	15
1.2. Благоприятная судебная перспектива по уголовному делу как основа для принятия тактического решения об использовании следователем норм о компромиссных процедурах	30
1.3. Особенности правового регулирования особого порядка принятия судебного решения, предусмотренного гл. 40 УПК РФ	45
Конец ознакомительного фрагмента.	50

**Ю. П. Гармаев,
Е. И. Попова**

**Использование
следователем норм об
особом порядке судебного
разбирательства (гл. 40
УПК РФ). Монография**

Новосибирский юридический институт (филиал) Томского государственного университета

Рецензенты

доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ, заведующий кафедрой криминалистики Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина» (МГЮА)

Евгений Петрович Ищенко

доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Алтайского го-

сударственного университета

Вениамин Константинович Гавло

Авторы:

Гармаев Юрий Петрович, докт. юрид. наук, профессор

Попова Елена Ильинична, канд. юрид. наук, доцент

Утверждено к печати

*ученым советом Новосибирского юридического институ-
та*

(филиала) Томского государственного университета

Ю. П. Гармаев – разделы 1.1, 1.2 гл.1; 2.1, 2.2 гл. 2

Е. И. Попова – разделы 1.3 гл.1; 2.3 гл. 2; 3.1, 3.2 гл.3; гл.4;

Приложения 3–5

Ю. П. Гармаев, Е. И. Попова в соавторстве – Приложения
1, 2

Введение

Современное уголовно-процессуальное законодательство призвано обеспечить баланс между необходимостью защиты прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, защиты личности от незаконного уголовного преследования и необходимостью реализации эффективных мер противодействия преступности. Вместе с тем правозащитная роль уголовного процесса, приоритет которой бесспорен, не должна противоречить идее экономии процессуальных средств, задаче удешевления неадекватно дорогих для государственного бюджета досудебных и судебных процедур.

Необходимо заметить, что решение столь противоречивых задач с каждым годом осложняется криминогенной ситуацией в стране. По данным МВД РФ, ежегодно регистрируется в среднем около 3 млн преступлений (в 2008 г. – 3209,9 тыс., в 2009 г. – 2994,8 тыс., в 2010 г. – 2628,8 тыс., в 2012 г. – 2302,2 тыс., в 2013 г. – 2206,2 тыс., в 2014 г. – 2166,4 тыс.)¹. Снижение абсолютных показателей не является оптимистичным. Преступность становится все более

¹ Состояние преступности в 2009, 2010, 2011, 2012, 2013, 2014 г. // Официальный сайт МВД РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.mvd.ru/presscenter/statistics/reports/show_177. – Загл. с экрана (дата обращения 20.02.2015).

профессиональной и организованной.

Общеизвестно, что расследование любого преступления требует больших материальных, временных и прочих затрат. При этом в большинстве случаев следователь², особенно на первоначальном этапе расследования, сталкивается с активным противодействием со стороны защиты. В результате часто предварительное расследование проходит в атмосфере конфликта между следователем и подозреваемым, обвиняемым, его защитником. В рамках проведенного нами анкетирования³ большинство следователей отметили, что ощущают активное противодействие примерно по 65% уголовных дел.

Однако динамика противодействия с момента возбуждения дела и до окончания предварительного расследования, как правило, меняется. Если взять, к примеру, такую категорию дел, как дела о хищениях (самую распространенную в нашей стране), то в среднем 50%⁴ из них рассматривается в

² Здесь и далее, употребляя термин «следователь», мы будем иметь в виду следователя, руководителя следственного органа, дознавателя, орган дознания, начальника подразделения дознания.

³ Здесь и далее речь идет о результатах проведенного в 2010–2013 гг. в Республике Бурятия, Забайкальском крае и Иркутской области исследования – анкетирования 125 следователей, выбранных без учета стажа работы их в этой должности, 92 адвокатов, 103 сотрудников прокуратуры, в чьи полномочия входит надзор за предварительным расследованием, утверждение обвинительного заключения, поддержание государственного обвинения в суде, а также интервьюирования 40 судей судов общей юрисдикции, 43 следователей, имеющих опыт работы более 5 лет (далее – респонденты).

⁴ Сводные статистические отчеты о деятельности судов общей юрисдикции

особом порядке принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением, предусмотренном гл. 40 раздела X УПК РФ⁵.

В рамках изучения авторами 625 уголовных дел о взяточничестве, 214 уголовных дел о хищениях, рассмотренных судами в период с 2003 по 2013 г., из 314 вступивших в законную силу приговоров судов 131 приговор (примерно 42%) был вынесен с применением гл. 40 УПК РФ. Однако респонденты признали, что лишь в единичных случаях до начала выполнения требований ст. 217 УПК РФ разговаривали с обвиняемым, его защитником о возможности применения в будущем особого порядка, а соответственно не использовали тактические преимущества, которые могли быть получены стороной обвинения при реализации норм гл. 40 УПК РФ.

Количество решений, принимаемых судом в особом порядке, вырастет и за счет увеличения числа уголовных дел, дознание по которым будет осуществляться в сокращенной форме.

По данным того же анкетирования, куда была включена и категория адвокатов-защитников, 84% опрошенных отметили, что примерно 90% обвиняемых приняли решение о согласии с обвинением только к моменту выполнения требо-

за 2008, 2009, 2010, 2011, 2012, 2013, 2014 г. // Официальный сайт Судебного департамента Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cdep.ru>. – Загл. с экрана (дата обращения 20.02.2015).

⁵ Далее, для краткости, – особый порядок.

ваний ст. 217–218 УПК РФ. Данный факт, по нашему мнению, указывает на прекращение противодействия, достижение некоего компромисса со стороной обвинения. Респонденты пришли к парадоксальному выводу: в случае дальнейшего рассмотрения дела судом в особом порядке большая часть актов противодействия, реализованная на досудебной стадии, оказалась для стороны защиты бессмысленной.

Опрос показал, что следователь, знающий особенности квалификации и методики расследования той или иной категории преступлений, имея навык и опыт оценки судебной перспективы по уголовному делу, может с высокой долей вероятности прогнозировать одну из двух типичных следственных ситуаций на момент окончания предварительного расследования: принятие либо непринятие обвиняемым решения ходатайствовать о постановлении приговора без проведения судебного разбирательства в общем порядке.

Более того, следователь, при соблюдении целого ряда рассмотренных в настоящей работе требований, может не только прогнозировать подобные следственные ситуации, но уже с момента возбуждения уголовного дела применять законные и этически допустимые тактические приемы, реализовывать тактические операции с целью достижения разумного компромисса между сторонами на основе норм, закрепленных в гл. 40 УПК РФ.

Однако подобного рода компромиссы до настоящего времени не сопровождались комплексными криминалистиче-

скими рекомендациями, не опубликованы монографические исследования, посвященные непосредственно криминалистическому обеспечению деятельности следователя по применению норм гл. 40 УПК РФ. Данных разработок не было ни по одной категории уголовных дел.

В настоящей монографии на основе концептуально нового научного направления, которое можно обозначить как «криминалистическое обеспечение компромиссных процедур в уголовном судопроизводстве»⁶, предпринята первая попытка решения проблемы формирования системы комплексного криминалистического обеспечения деятельности следователя по наиболее рациональному применению норм об особом порядке принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением.

Предварительно следует отметить следующее: основной прикладной идеей данного исследования является вывод о том, что следователь при расследовании большинства встречающихся в практике уголовных дел может использовать тактические преимущества, которые правовой институт особого порядка предоставляет участникам уголовного судопроизводства.

⁶ О существовании этого научного направления можно судить по ряду крупных монографических работ. См., например: Баев О. Я. Досудебное соглашение о сотрудничестве: правовые и криминалистические проблемы, возможные направления их разрешения: монография. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. – 208 с; Попова И. А. Тактико-криминалистическое обеспечение компромиссных процедур в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2011. – 27 с.; и др.

производства, в том числе подозреваемому, обвиняемому. Впервые разработаны основы⁷ тактической операции «Использование норм об особом порядке в рамках предварительного расследования», которая может быть осуществлена следователем для достижения основанного на законе и разумного компромисса со стороны защиты. Предложены криминалистические рекомендации по взаимодействию следователя с защитником, прокурором и потерпевшим в следственной ситуации наличия возможности рассмотрения уголовного дела судом в особом порядке.

В основу данной монографии легли результаты диссертационного исследования на тему: «Криминалистическое обеспечение деятельности следователя по применению норм об особом порядке принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением по уголовным делам о хищениях», защищенного одним из авторов – Е. И. Поповой, в марте 2013 года⁸. Далее, по предложению соавтора – Ю. П. Гармаева, были предприняты дополнения

⁷ В Приложении 1 размещено «Краткое руководство для следователя по использованию норм об особом порядке принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением», представляющее собой сокращенный алгоритм, разработанный авторами с целью улучшения восприятия изложенного материала и использования результатов настоящего исследования практическими работниками.

⁸ Попова Е. И. Криминалистическое обеспечение деятельности следователя по применению норм об особом порядке принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением по уголовным делам о хищениях: дис. ... канд. юрид. наук. – Улан-Удэ, 2012.

и переработка этих результатов с учетом:

- справедливых и конструктивных советов и замечаний, высказанных на официальной процедуре защиты диссертации, а также до и после нее;

- вновь разработанных теоретико-методологических позиций (разделы 1.1 и 1.2 гл. 1; 2.1 и 2.2 гл. 2 и др.), прикладных рекомендаций (разделы 2.3 гл. 2; 3.1 и 3.2 гл. 3 и др.), обновленных статистических данных, иных эмпирических материалов;

- замечаний и предложений, представленных следственными органами регионов Сибирского федерального округа, которым, в рамках апробации и внедрения результатов исследования, были высланы прикладные рекомендации (см. Приложения).

Как следует из названия монографии, мы существенным образом расширили предмет данного исследования, сделав все возможное для того, чтобы полученные результаты могли быть применены не только по уголовным делам о хищениях, но и по любым другим категориям дел.

Например, существенным образом расширены структура и содержание работы, исходя из изложенных в гл. 1 и 2 теоретико-методологических положений:

- о междисциплинарной концепции компромисса как основы криминалистического обеспечения деятельности по применению норм об особых порядках и сокращенных производствах;

- о четырех правовых позициях правоприменителей;
- о судебной перспективе по уголовному делу;
- о типичных правовых позициях сторон в уголовном процессе и преимуществах, получаемых ими в рамках применения компромиссных процедур и др.

На наш взгляд, перечисленные теоретико-методологические положения могут быть использованы при формировании других криминалистических и междисциплинарных разработок прикладного характера.

Авторы надеются, что в практическом плане предложенные рекомендации будут активно использоваться дознавателями, следователями и другими участниками уголовного судопроизводства для оптимизации правоприменительной деятельности по делам о любых преступлениях.

Глава 1.

Теоретические и правовые основы использования участниками уголовного судопроизводства норм об особом порядке судебного разбирательства

1.1. Концепция компромисса как методологическая основа криминалистического обеспечения деятельности по применению норм об особых порядках судебного разбирательства

Междисциплинарная концепция так называемых «сделок с правосудием» или «компромиссов с преступностью», которая становится предметом все более пристального внимания со стороны уголовно-правовой, уголовно-процессуальной, а в последнее время и криминалистической науки, далеко не

нова в мировой практике. Она исходит из принципиального положения о том, что необходимо отказаться от метода бескомпромиссной борьбы с преступностью, который противоречит основополагающим принципам права и часто создает на практике тупиковые ситуации в процессе пресечения, раскрытия и расследования конкретных преступлений.

В свое время В. А. Образцов отмечал: «Институт сделок с правосудием предполагает установление договорных отношений между обвинением и защитой и взятие сторонами обязательств по принципу: если одна сторона принимает решение о том-то, другая гарантирует конкретно то-то. В основе таких договоров лежит концепция взаимоуступок, компромисс»⁹.

Анализ уголовно-правовой, уголовно-процессуальной литературы показывает, что чаще всего имеющиеся научные дискуссии носят не только и не столько сущностный, сколько терминологический характер. Так, юридическое сообщество России все большее внимание уделяет вопросам альтернативного разрешения споров. Широкое распространение получили идеи восстановительного правосудия. Восстановительное правосудие – это программа с участием лиц, так или иначе затронутых преступлением, по выработке соглашения о способе возмещения вреда, причиненного преступлением.

Основными формами восстановительного правосудия в

⁹ Образцов В. А. Выявление и изобличение преступника. – М., 1997. – С. 199.

нашей стране, за широкое применение которых выступают ученые и практики, являются ювенальная юстиция и медиация. Как известно, ювенальные суды уже успешно действуют в ряде регионов России, в отдельных регионах проводятся эксперименты по внедрению восстановительного правосудия.

Обсуждается реальная возможность закрепления в уголовно-процессуальном законодательстве медиации, уже нашедшей свое отражение в гражданском и арбитражном судопроизводстве. Вероятно, медиация как форма урегулирования уголовно-правовых конфликтов будет востребована при совершении нетяжких преступлений, когда причиненный вред носит главным образом материальный характер и потерпевшие заинтересованы не столько в наказании подозреваемого, обвиняемого, сколько в возмещении причиненного им вреда.

Таким образом, в российском уголовном процессе прослеживается четкая тенденция, направленная на повышение эффективности уголовного судопроизводства, одновременно подразумевающая процессуальную экономию сил и средств участников судебного разбирательства, а также соизмерение тяжести и сложности рассматриваемого преступления и правовых последствий, которые наступают в результате разрешения уголовного дела.

В то же время многие ученые высказываются следующим образом: «Борьба с преступностью как социальным явле-

нием не может не быть бескомпромиссной. Признавая тот факт, что преступность – явление неискоренимое в современном обществе, также необходимо понимать, что борьба с ней должна вестись постоянно и не допускать изъятий. Однако бескомпромиссность борьбы не означает отказа от применения поощрительных норм, формирующих институт компромисса...»¹⁰.

В. В. Сверчков верно отмечает, что выражение «бескомпромиссная борьба с преступностью» в большей мере связано с нетерпимостью к совершению преступлений, с мгновенной и эффективной реакцией государства и общества на нарушения законодательства в результате осуществления общественно опасных деяний». В настоящее время «представление о том, что стратегия борьбы с преступностью требует ужесточения законодательства и усиления карательной практики судов, ошибочно и, более того, является фактором, ведущим к неблагоприятным изменениям в социальной структуре страны в виде возрастания уровня криминальной среды»¹¹.

На наш взгляд, следует согласиться с позицией о том, что «договорный, компромиссный способ разрешения уголов-

¹⁰ Шатихина Н. С. К вопросу об уголовно-правовой природе компромисса // Правоведение. – 2003. – № 3 (248). – С. 91.

¹¹ Сверчков В. В. Действительные и мнимые проблемы допустимого компромисса в противостоянии преступности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kpress.ru/bh/2002/4/sverchkov/sverchkov.asp>. – Загл. с экрана (дата обращения 29.09.2010).

но-правовых споров должен стать основным способом разрешения уголовных дел, при котором гарантированно защищены как частный, так и публичный интересы. Достижение этой цели предполагает расширение пределов применения и оптимизацию “особого порядка” производства по уголовному делу, предусмотренного гл. 40 УПК РФ, развитие данного института в комплексе с другими процессуальными феноменами, такими как упрощение и дифференциация форм досудебного производства по уголовному делу...».

В научно-криминалистических исследованиях последнего времени постоянно актуализируется идея использования криминалистического знания для реализации компромиссных процедур. Так, И. А. Попова отмечает: «Современная практика уголовного судопроизводства, где расширение возможностей защитительной деятельности, <...> расширение согласительных форм разрешения конфликтов постепенно становятся все более привычными, предопределяет необходимость исследования проблем тактико-криминалистического обеспечения компромиссных процедур».

Вряд ли вызовет дискуссию тезис о том, что правозащитная роль уголовного судопроизводства, приоритет которой бесспорен, не должна противоречить идее экономии процессуальных средств, задаче удешевления неадекватно дорогих для государственного бюджета досудебных и судебных процедур. Заметим, что российский законодатель вполне серьезно воспринял идею компромиссного урегулирова-

ния конфликтов, возникающих в уголовном судопроизводстве, и последовательно реализует эту концепцию.

Так, помимо уже давно апробированного и анализируемого в настоящей работе особого порядка принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением (глава 40 УПК РФ), федеральным законом РФ от 29.06.2009 № 141-ФЗ в УК РФ и УПК РФ включен комплекс норм, устанавливающий институт досудебного соглашения о сотрудничестве обвиняемого или подозреваемого со стороной обвинения, выполнение условий которого влечет значительное смягчение ответственности за совершенное преступление. Нет необходимости анализировать нормы данного особого порядка. Они уже подробно рассмотрены на уровне как актов судебного толкования, так и научных публикаций.

Федеральным законом РФ от 04.03.2013 г. № 23-ФЗ в УК РФ и УПК РФ введен комплекс норм о сокращенном порядке дознания в тех случаях, когда уголовное дело, по смыслу закона, не представляет правовой и фактической сложности, а причастность лица к совершению преступления не вызывает сомнения (статьи гл. 32.1 УПК РФ и другие нормы). При этом необходимо, чтобы подозреваемый (обвиняемый) признал свою вину и возместил размер причиненного вреда, а также заявил соответствующее ходатайство (ч. 2 ст. 226.1 УПК РФ). Срок сокращенного порядка дознания по общему правилу не должен превышать 15 суток, а в исключительных

случаях он может быть продлен до 20 суток (ч. 1 и 2 ст. 226.6 УПК РФ). Сторона защиты в рамках данной компромиссной процедуры получает вполне очевидные преимущества – наказание подсудимому по уголовному делу, дознание по которому производилось в сокращенной форме, не может превышать $\frac{1}{2}$ максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление (ч. 6 ст. 226.9 УПК РФ).

Как видим, законодатель не только не игнорирует, но и вполне оперативно реагирует на общемировые тенденции и проблемы практики борьбы с преступностью, устанавливая и развивая нормы о компромиссных процедурах.

Как верно замечает Т. Д. Дудоров, «анализ основных тенденций развития уголовно-процессуального законодательства на современном этапе позволил сделать вывод о том, что в системе упрощенных (ускоренных) производств формируется новый институт согласительных процедур, в рамках которого может быть заключено два вида соглашений (о признании и сотрудничестве), которые повлекут за собой сокращение судебного следствия, с одной стороны, и минимизацию уголовной ответственности лица, совершившего преступление, с другой»¹².

Несмотря на эти законодательные новеллы и мнения,

¹² Дудоров Т. Д. Особый порядок судебного разбирательства при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением как способ дифференциации уголовно-процессуальной формы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Воронеж, 2010. – С. 9.

некоторые ученые высказываются следующим образом: «... в России отсутствует общепризнанная доктрина сотрудничества государства с преступником. Данное обстоятельство отрицательно сказывается на развитии уголовного и уголовно-процессуального законодательства, фрагментарности и противоречивости существующих регламентаций. Данная проблема может быть преодолена лишь путем выработки концепции сотрудничества государства с преступником, признания его доминирующим направлением в противостоянии преступности, комплексном обновлении законодательства»¹³.

Однако мы считаем, что если не полновесная доктрина, то некая концепция компромиссного урегулирования конфликтов, возникающих в уголовном судопроизводстве, совокупность взглядов на нее большого числа ученых, во многом поддержанных законодателем, а вместе с ним и правоприменителем, все же существует.

К сожалению, в отличие от законодателя наука криминалистика, в частности ее последние разделы: криминалистическая тактика и методика расследования отдельных видов преступлений, заметно отстает, но не в концептуальных вопросах, а в рамках формирования соответствующих прикладных рекомендаций. Проблемы прикладного криминалистического обеспечения разнообразных «сделок с право-

¹³ Колоколов Н. А. Назначение наказания лицу, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве // Российский судья. – 2011. – № 1. – С. 39.

судием» еще не стали предметом глубоких исследований. Создается впечатление, что криминалистика, во многом игнорируя нормы материального и процессуального права, по-прежнему исповедует бескомпромиссный подход в борьбе с преступностью.

Вместе с тем «де-факто договорные отношения между подозреваемыми, обвиняемыми и их защитниками, с одной стороны, и с органами правопорядка, с другой стороны, реализуются давно и повсеместно. Однако делается это по наитию, нелегитимно, на свой страх и риск, балансируя на грани законности, а то и преступая ее»¹⁴. Это мягкое замечание, высказанное В. А. Образцовым в адрес всей науки еще 18 лет назад, к сожалению, актуально и по сей день.

В свою очередь на современном этапе развития система научных положений и основанных на них рекомендаций, именуемая различными авторами как «криминалистическая адвокатология» либо «теория адвокатского мастерства в уголовном судопроизводстве», также не демонстрирует повышенного интереса к данному направлению обеспечения деятельности адвокатов. Отчасти причиной послужило изложенное авторитетными учеными-криминалистами мнение о некотором недоверии ко всем исследованиям в рамках «криминалистики защиты».

Однако ряд авторов (Л. А. Зашляпин, М. О. Баев, О. Я. Баев, Г. А. Зорин и др.) высказали мнение о том, что кри-

¹⁴ Образцов В. А. Указ. соч. – С. 201.

миналистические средства и методы должны быть классифицированы на предназначенные для оптимизации уголовного преследования и, напротив, для оптимизации профессиональной защиты от уголовного преследования.

Не вступая в дискуссию по данной проблеме, отметим, что современное судопроизводство предопределяет взаимную потребность каждого из состоящих участников прогнозировать, моделировать ход мыслей и деятельность процессуального противника. На научно-дидактическом уровне это означает необходимость разработки «зеркальных» систем знаний: рекомендаций по расследованию, установлению истины, с одной стороны, и особенностей профессиональной защиты от уголовного преследования – с другой. Думается, что проблема, суть спора заключаются только в том, как будет называться соответствующая новая система знаний и главное: войдет ли «криминалистика защиты» в систему традиционной криминалистики. Вряд ли последнее возможно, но «право на жизнь» этой системы знаний неоспоримо.

Правда, так или иначе споры на уровне теории и методологии наук не повлекли, казалось бы, закономерных последствий – активной разработки и внедрения в практику практических рекомендаций по достижению сторонами обвинения и защиты компромиссов.

Вынуждены согласиться с В. Ф. Статкусом в том, что за последние тридцать лет ученые-криминалисты (точнее ка-

кая-то их часть. — *Авт.*) сосредоточились не на изучении практики раскрытия и расследования преступлений, а на бесконечных спорах о предмете, методе, системе криминалистики, на изобретении различных дефиниций, но при этом не проводят, как теперь принято говорить, мониторинга. При этом возникает вопрос, как эти «новации» помогают правоприменителям повышать эффективность борьбы с преступностью?

Итак, с позиции криминалистического обеспечения деятельности стороны обвинения, несмотря на наличие установленных уголовным и уголовно-процессуальным законом оснований, условий и порядка реализации сделок с правосудием, наука «криминалистика», отчасти исследуя теоретико-методологические аспекты, тем не менее не разработала достаточного количества тактико- и методико-криминалистических рекомендаций.

Более того, на уровне не только профессиональных коммуникаций, но и официальной отчетности до сей поры действуют давно укоренившиеся стереотипы и шаблоны. Исходя из них, к примеру, прекращение дела по нереабилитирующему основанию или иные компромиссы и уступки, как правило, не признаются положительным результатом деятельности следователя по сравнению с «несомненным успехом расследования» — направлением дела в суд и вступлением в силу обвинительного приговора. Кроме того, чем срок и размер назначенного наказания выше, тем, при прочих рав-

ных обстоятельствах, существенней признается успех стороны обвинения.

При этом ситуация имеет и обратную сторону. Действующее законодательство, нормы профессиональной адвокатской этики, имеющиеся публикации не дают достаточно четких критериев разграничения допустимости тех или иных компромиссных действий профессиональных защитников. Собственные корпоративные стереотипы в сознании адвокатов, порой, не менее вредны, чем элементы профессиональной деформации их процессуальных противников.

С учетом изложенного, есть все основания для выдвижения гипотезы о том, что следователь, знающий особенности квалификации и методики расследования той или иной категории преступлений, имея опыт оценки судебной перспективы по уголовному делу, может уже с момента регистрации сообщения о преступлении, возбуждения уголовного дела применять законные и этически допустимые тактические приемы, реализовывать тактические операции с целью достижения разумного компромисса между сторонами на основе норм, закрепленных в главах 40 и 40.1, 32.1 УПК РФ.

Правда, весьма опасна и другая крайность, систематически проявляющаяся в правоприменительной практике. Недобросовестные следователи иногда без достаточных оснований возбуждают уголовное дело, не собирают достаточных доказательств вины, а затем понуждают незаконно привлеченных к уголовной ответственности лиц признать ви-

ну и, например, согласиться на «особый порядок» (гл. 40 УПК РФ) или прекращение дела по нереабилитирующему основанию. Подобные «компромиссы» со стороны обвинения не только незаконны, но и преступны (такие действия могут быть квалифицированы как деяния, предусмотренные ст. 285, 286 УК РФ).

Как верно заметила Я. Ю. Янина, «компромисс не может основываться: на правовой неосведомленности участника компромисса, на незнании им своих прав и обязанностей, на неправильном понимании последствий своих действий; на заведомо невыполнимых обещаниях, данных стороне защиты; на фальсифицированных доказательствах, специально изготовленных свидетельских показаниях, заключениях; на дефектах психики стороны защиты и иных болезненных состояниях; на мистических и религиозных предрассудках сторон, участников компромисса; на оправдании совершения преступления и преуменьшении его общественной значимости»¹⁵. Кроме того, компромисс следователя и представителей стороны защиты не должен допускать нарушения прав и законных интересов других участников процесса, прежде всего потерпевшего. Однако весьма часто результат компромисса является безусловным успехом не только для стороны обвинения, но и для стороны защиты.

¹⁵ Янина Я. Ю. Теоретические и практические аспекты применения компромиссов для разрешения конфликтов предварительного следствия: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Калининград, 2007. – С. 12.

Полагаем, что комплексные прикладные криминалистические рекомендации по достижению компромиссов могут и должны разрабатываться в перечисленных направлениях:

1. В рамках раздела «Криминалистическая тактика»: разработка компромиссных тактических приемов; рекомендации по достижению компромиссов в рамках проведения отдельных следственных и иных процессуальных действий, а также их комплексов (тактических операций, тактических комбинаций); тактико-криминалистическое обеспечение отдельных предусмотренных законом компромиссных процедур: гл. 40, 40.1 УПК РФ и др.

2. В рамках раздела «Криминалистическая методика расследования»: разработка отдельных компромиссных тактических приемов и средств в ходе проведения следственных и иных процессуальных действий, а также их комплексов (тактических операций, тактических комбинаций) по делам определенных категорий (убийства, хищения, коррупционные преступления и т.п.); методико-криминалистическое обеспечение предусмотренных законом компромиссных процедур: гл. 40, 40.1 УПК РФ и др. по делам определенных категорий.

3. В рамках научного направления, имеющего условное наименование «Криминалистическая адвокатология» могут быть разработаны рекомендации по достижению компромиссов исходя из любого вышеобозначенного пункта.

При формировании указанных совокупностей приклад-

ных знаний следует подчеркнуть категорическую недопустимость пресловутого обвинительного уклона со стороны обвинения. Необходимо представить рекомендации по недопущению возможных злоупотреблений, минимизировать негативные факторы заинтересованности следователя в так называемых «признательных» показаниях и иных уступках, предупредив тем самым нарушения прав и законных интересов подозреваемого, обвиняемого.

Итак, безусловно, междисциплинарная концепция компромисса в борьбе с преступностью является прочной методологической основой формируемого в настоящей работе криминалистического обеспечения деятельности следователя по применению норм об особом порядке, предусмотренном гл. 40 УПК РФ, равно как и других особых порядков и сокращенных процедур. Этот тезис мы считаем доказанным.

Кроме того, право на жизнь имеет гипотеза о том, что криминалистическое обеспечение достижения сторонами обвинения и защиты компромиссов в уголовном судопроизводстве является перспективным направлением развития науки криминалистики, оно давно востребовано практикой и ждет новых разносторонних исследований, прежде всего прикладного характера.

1.2. Благоприятная судебная перспектива по уголовному делу как основа для принятия тактического решения об использовании следователем норм о компромиссных процедурах

Ранее одним из авторов, в рамках исследования, посвященного разработке криминалистической методики расследования и поддержания государственного обвинения по делам о взяточничестве, был применен ситуационный подход к исследованию как коррупционной криминальной деятельности, так и деятельности криминалистической. Изучение 625 уголовных дел названной категории, опрос и анкетирование 125 следователей и 103 сотрудников прокуратуры – государственных обвинителей, имеющих соответствующий опыт, позволили заострить внимание в том числе и на феномене судебной перспективы по уголовному делу.

Как известно, термин «судебная перспектива по делу» в законодательстве отсутствует. Кажется странным, но это словосочетание почти не встречается в научной, в частности криминалистической, литературе. Между тем, как показало исследование, практически каждый опытный работник пра-

воохранительных органов не может обойтись без указанного термина и применяет его регулярно, осознанно или интуитивно понимая его значение.

Особенно важным представляется применение этого термина, связанной с ним мыслительной и процессуальной деятельности по делам, имеющим перспективу рассмотрения судом в порядке гл. 40 УПК РФ, впрочем, равно как и в порядке гл. 40.1, 32.1 УПК РФ.

Использование метода экспертных оценок во взаимодействии с 15 наиболее опытными следователями и прокурорами из числа вышеупомянутых респондентов, а также 12 адвокатами по уголовным делам привело к интересным выводам.

По мнению правоприменителей, максимально обоснованный прогноз по поводу судебной перспективы, исходя из текущей посткриминальной, оперативной, следственной, судебной ситуации по делу, как и прогноз развития шахматной партии для гроссмейстера – признак настоящего профессионала уголовного судопроизводства. Однако повторимся: соответствующего по объему понятия нет ни в криминалистике, ни в уголовном процессе, ни в других науках антикриминального цикла.

Теоретической основой для анализа и дальнейших научных разработок, связанных с исследуемой категорией, следует признать следующие частные криминалистические теории: криминалистическую ситуологию, криминалистиче-

скую теорию принятия решений и теорию криминалистического прогнозирования. Так, научное прогнозирование в целом (греч. *prognosis* – знание наперед, предвидение) – разновидность научного предвидения, специальное исследование перспектив какого-либо явления. «Прогноз – это результат научного прогнозирования, вывод о возможном наступлении явлений, процессов, событий, основанный на анализе соответствующих данных, характеризующий тенденции и закономерности развития прогнозируемого объекта от прошлого к настоящему и от настоящего к будущему»¹⁶.

Л. Г. Горшенин к числу объектов теории криминалистического прогнозирования относит элементы механизма преступления, всех его элементов, закономерности возникновения информации о преступлении и его участниках, развития средств и методов судебного исследования. Он же отмечает: «Необходимость в криминалистических прогнозах ощущается практически во всех сферах деятельности правоохранительных органов на местах, в том числе и в деятельности по расследованию преступлений»¹⁷.

Однако Р. С. Белкин, определяя лишь два направления использования прогнозирования в криминалистической науке: прогнозирование научных исследований и прогноиро-

¹⁶ Криминология. Прогностика. Управление: учебное пособие / Аванесов Г. А. – Горький: Изд-во ГВШ МВД СССР, 1975. – С. 126.

¹⁷ Горшенин Л. Г. Основы теории криминалистического прогнозирования. – М., 1993. – С. 57.

вание преступности в криминалистическом аспекте этого явления, указывал на невозможность криминалистического научного прогнозирования для решения конкретных задач расследования конкретного преступления. Вероятно, отчасти в силу столь категоричного вывода авторитетного учебного нам не удалось найти работ, анализирующих научное и прикладное значение категории «судебная перспектива по уголовному делу».

Однако авторам ряда работ прикладного характера, относящихся к различным юридическим наукам, вероятно, было трудно уйти от укоренившегося в практике феномена. Так, в одном из справочников прокурора читаем: «...приостановление дела без достаточных на то оснований <...> плохо влияет на судебную перспективу уголовного дела»¹⁸. В комментариях к УПК РФ отмечается, что если прокурор и следователь придерживаются противоположных мнений относительно судебной перспективы дела – направлении его в суд или прекращении, то это делает невозможным эффективное уголовное преследование. Кроме того, имеются публикации, прямо указывающие на тот факт, что своевременное определение и реализация судебной перспективы по делам определенных категорий – одна из стратегических задач расследования по конкретному делу.

С учетом очевидности практической значимости данной категории, ее востребованности в изданиях прикладного ха-

¹⁸ Трикс А. В. Справочник прокурора. – СПб.: Питер-Пресс, 2007. – С. 41.

рактера представим два определения этого понятия: краткое и полное. Первое – для быстрого запоминания практикующими юристами, второе – для всестороннего анализа.

1. Судебная перспектива по всему делу или его эпизоду – это субъективная оценка правоприменителя по поводу вероятности вынесения обвинительного приговора лицу, в отношении которого начато или планируется уголовное преследование.

2. Судебная перспектива по всему делу или его эпизоду – это субъективная оценка правоприменителя (следователя, руководителя следственного органа, прокурора, защитника и др.), данная в разнообразных ситуациях на судебных, но чаще на досудебных стадиях уголовного судопроизводства, по поводу того, будет ли направлено в суд конкретное уголовное дело (эпизод обвинения / состав преступления) и каким может быть окончательное судебное решение, если исходить из ситуации по делу на момент оценки и перспектив развития этой ситуации с точки зрения: 1) наличия/отсутствия состава (составов) преступления; 2) предполагаемых доказательств; 3) интенсивности противодействия уголовному преследованию.

Заметим, что, во-первых, последнее – полное – определение основано на ситуационном подходе. Во-вторых, в обоих вариантах акцентируется субъект-объектная природа судебной перспективы. Здесь мы поддерживаем позицию Л. Я. Драпкина и Д. В. Кима о том, что «... ситуация не может

существовать без человека (в данном случае субъекта доказывания), который, воспринимая окружающую его действительность (но не ситуацию!), через свою оценку вкладывает в нее субъективный смысл. Именно при таком взаимодействии на пересечении субъекта и окружающей его действительности и рождается ситуация. Эта ситуация имеет субъект-объектную природу». «Формируя и реализуя многочисленные решения по уголовным делам, следовательно с необходимостью исходит не из реальной ситуации, а из ее информационной модели, отраженной в его сознании»¹⁹.

Таким образом, с позиции процессуальных интересов представителей стороны обвинения судебная перспектива по конкретному делу/эпизоду, в том числе с учетом вероятности его рассмотрения в порядке гл. 40 УПК РФ, может иметь три варианта:

1) благоприятная судебная перспектива – означает, что в конкретной ситуации по делу (материалу) есть уверенность в том, что:

– наличие состава (составов) преступления в действиях заподозренного, подозреваемого, обвиняемого не вызывает серьезных сомнений и дело, при наличии прочих оснований и условий, может быть рассмотрено судом в порядке гл. 40 УПК РФ;

¹⁹ Ким Д. В. Криминалистические ситуации: понятие, структура, классификация: учебное пособие. – Барнаул: Барнаульский юридический институт, 2011. – С. 14.

- собрана или в ближайшее время будет собрана такая совокупность допустимых доказательств, которая с максимальной вероятностью позволит стороне обвинения добиться в суде обвинительного приговора;

- противодействие уголовному преследованию, каким бы интенсивным и профессиональным оно не было, не сможет помешать вступлению в силу законного и обоснованного обвинительного приговора;

2) неясная судебная перспектива – в конкретной ситуации по делу (материалу), при которой наиболее вероятен хотя бы один из трех прогнозов:

- вывод о наличии состава (составов) преступления в действиях заподозренного, подозреваемого, обвиняемого остается спорным;

- еще не собрана минимально необходимая совокупность допустимых обвинительных доказательств, и перспективы ее получения пока не ясны;

- противодействие уголовному преследованию достаточно интенсивное и профессиональное и вполне может помешать вступлению в силу обвинительного приговора;

3) судебная перспектива по делу отсутствует – в конкретной ситуации по делу (материалу) наиболее вероятен хотя бы один из трех прогнозов:

- состав преступления отсутствует или его наличие в действиях лица маловероятно;

- не собрана и вряд ли будет собрана минимально необ-

ходимая совокупность допустимых обвинительных доказательств;

- противодействие уголовному преследованию такое интенсивное и профессиональное, что наверняка может помешать вступлению в силу обвинительного приговора.

Субъективная оценка правоприменителем судебной перспективы как «благоприятной», «неясной» или «плохой» в каждой ситуации уголовного преследования по конкретному делу имеет весьма важное практическое значение. Поясним на примерах.

Пример оперативно-розыскной ситуации 1. До, в ходе и после проведения оперативно-розыскного мероприятия (ОРМ) «оперативный эксперимент» в отношении взяточполучателя:

- соблюдены все требования законодательства об оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД);

- собранные сведения, по мнению оперативных сотрудников, посоветовавшихся со следователем, без сомнений указывают на то, что все признаки состава получения взятки за незаконные действия (ч. 3 ст. 290 УК РФ) присутствуют, а максимальное наказание за данное преступление не превышает 10 лет лишения свободы;

- каждый из этих признаков, по мнению следователя, может быть доказан уголовно-процессуальными средствами после возбуждения дела (лицо должностное, умысел имеется, за какие действия получена взятка понятно и доказуемо

и т.д.);

– противодействие по делу уже началось и еще прогнозируется, но сторона обвинения знает, как она его сможет преодолеть.

В такой ситуации, даже если дело еще не возбуждено или это произошло только что, сторона обвинения должна действовать решительно, быстро, смело идти на «конфликтные» следственные действия (обыск, арест на имущество и т.п.), при наличии оснований применять самые строгие меры процессуального принуждения (задержание, ходатайствование перед судом о заключении обвиняемого под стражу, об отстранении от должности и т.п.). Поскольку судебная перспектива по делу благоприятная, сторона обвинения понимает, что вряд ли «рискует получить» оправдательный приговор, прекращение дела по реабилитирующему основанию, процедуру реабилитации (гл. 18 УПК РФ) и т.д., поэтому уже в рамках первых следственных действий с участием подозреваемого, обвиняемого можно начать проведение тактической операции «Использование норм об особом порядке в рамках предварительного расследования» (см. раздел 3.2).

Пример оперативно-розыскной либо следственной ситуации 2. В ходе проведения первоначальных следственных действий по делу, возбужденному по признакам преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 290 УК РФ, на основании представленных следователю результатов ОРМ «оперативный эксперимент», взятокопучатель отрицает свою вину

или отказался от дачи показаний на основании ст. 51 Конституции РФ. Обвинение в названном преступлении предъявляется с учетом прежде всего доказательств, сформированных на основе аудиозаписей его переговоров с взяточдателем. На ней осторожный чиновник при получении денег – предполагаемого предмета преступления не произнес фраз, свидетельствующих об его умысле на получение взятки за действия, входящие в его служебные полномочия (один из альтернативных признаков основного состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 290 УК РФ). Например, он намеренно говорит: «Спасибо, что вернули долг...». Имеется возможность получить дополнительные доказательства этого умысла – показания свидетелей и т.п., но есть сомнения в их правдивости, а также повторном подтверждении этих показаний в суде.

В такой проблемной ситуации субъекты стороны обвинения – следователь, руководитель следственного органа далеко не всегда пойдут на риск, задержат взяточполучателя, предъявят окончательное обвинение, возбудят ходатайство об избрании меры пресечения – содержание под стражей и т.д. В подобной следственной ситуации вряд ли уместно проведение рассматриваемой ниже тактической операции «Использование норм об особом порядке в рамках предварительного расследования». Слишком туманна здесь судебная перспектива по этому эпизоду. Быть может в ходе расследования и удастся найти доказательства умысла и корыст-

ной заинтересованности взяточполучателя, но уверенности в этом нет. Поэтому, скорее всего, оперативные сотрудники по поручению следователя продолжат ОРМ, будут тщательно допрошены свидетели и т.п. Вероятно, эта сложная, проблемная криминалистическая ситуация существенным образом изменится, судебная перспектива по эпизоду превратится из неясной в благоприятную, как говорят практические работники – в «железную». Другой вариант развития ситуации – дело возбуждают и расследуют по «неясному» эпизоду, но сторона обвинения ищет дополнительные доказательства, так называемую «поддерживающую совокупность» преступлений или новые, более надежные в плане судебной перспективы, эпизоды. Отдельные практические работники могут пойти на риск, связанный с предложением подозреваемому своеобразной сделки: «Вы нам – правдивые показания, мы вам – особый порядок, предусмотренный главой 40 УПК РФ». Однако такое тактическое решение, по нашему мнению, не является обоснованным и характерно для пресловутого обвинительного уклона, в худших его традициях. Следует перевести следственную ситуацию из состояния «неясной» судебной перспективы в благоприятную, и тогда, быть может, провести упомянутую тактическую операцию либо прекратить дело по реабилитирующему основанию.

Пример оперативно-розыскной ситуации 3. В ходе ОРМ «оперативный эксперимент» оперуполномоченные допусти-

ли ряд нарушений закона «Об ОРД»: не было достаточных оснований для проведения ОРМ (ст. 7 ФЗ «Об ОРД»), не соблюдены условия их проведения (ст. 8 ФЗ «Об ОРД»), предмет взятки изъят до возбуждения дела с нарушениями закона, есть признаки провокации взятки и т.п. Эти обстоятельства не всегда исключают состав преступления в действиях заподозренного. Предположим, что и основания для возбуждения уголовного дела также имеются. Но в такой проблемной ситуации судебная перспектива по этому эпизоду, вероятнее всего, исключена, поскольку под сомнение поставлены будущие ключевые доказательства обвинения. Сторона защиты с легкостью добьется оправдания подсудимого, прекращения уголовного преследования по реабилитирующим основаниям, что крайне неблагоприятно для стороны обвинения.

Рано или поздно перед следователем и прокурором встает вопрос: возбуждать ли дело (предъявлять ли обвинение, избирать ли меру пресечения) по эпизоду, не имеющему в текущей проблемной оперативно-розыскной либо следственной ситуации судебной перспективы? Большинство правоприменителей дают отрицательный ответ. Многие идут на серьезный риск и развивают ситуацию, принимая меры к поиску новых эпизодов (составов) преступной деятельности, как бы откладывая в сторону «дефектный» эпизод (состав).

Итак, сам мыслительный процесс и результат оценки вида судебной перспективы по конкретному делу (эпизоду) в ти-

повых криминалистических ситуациях имеют важное практическое значение, особенно по уголовным делам об экономических и коррупционных преступлениях, других преступлениях в сфере профессиональной деятельности. Так, уголовные дела о взяточничестве существенно отличаются, например, от дел об убийствах, именно тем, что вопрос о судебной перспективе всегда ставится очень остро. Для сравнения: в следственной ситуации обнаружения трупа с криминальными травмами следователь не задумываясь возбудит дело, даже если в текущий момент не увидит благоприятной судебной перспективы (не найден обвиняемый, есть непроверенные сведения о том, что субъект не достиг возраста уголовной ответственности и т.п.).

Совсем другие, более проблемные, ситуации складываются по делам о взяточничестве и других коррупционных преступлениях. Это сложная, «скандальная», общественно значимая категория дел, со слишком интенсивным противодействием со стороны защиты, что обязательно учитывают представители стороны обвинения, взвешивая все «за» и «против» в ходе принятия важных правовых решений в проблемных следственных ситуациях, особенно таких, как проведение обыска, возбуждение перед судом ходатайства об избрании меры пресечения – заключение под стражу, направление дела в суд с обвинительным заключением и др. Если судебная перспектива в ситуации до возбуждения дела отсутствует, его чаще не возбуждают; если перспектива неяс-

ная, – стараются провести дополнительную проверку, ревизию (ч. 3 ст. 144 УПК РФ).

Если судебная перспектива в ситуации после возбуждения дела, на момент предъявления первичного обвинения, уже представляется благоприятной, то возникает возможность проведения тактической операции «Использование норм об особом порядке в рамках предварительного расследования».

В итоге, по нашему мнению, следователь, другие субъекты уголовного преследования должны по каждому делу (материалу), в каждой ситуации назначения и проведения ОРМ, расследования и далее – судебного разбирательства по делу мысленно задавать себе вопрос: «Какова на данный момент судебная перспектива по делу в целом и по каждому эпизоду/составу в отдельности (благоприятная, неясная, отсутствует)?». Первый вариант вселяет уверенность и предопределяет решительность, в том числе по поводу применения упомянутой тактической операции. Но уверенность не должна переходить в самоуверенность. Благоприятная судебная перспектива не должна лишать бдительности и внимания к доводам защиты, особенно в части прогноза и преодоления актов противодействия.

Второй и третий варианты судебной перспективы требуют осторожности, внимательного подхода к анализу признаков состава преступления и совокупности доказательств. Проведение тактической операции «Использование норм об особом порядке в рамках предварительного расследования»

следует отложить. Но осторожность не должна перерасти в нерешительность и волокиту при принятии правовых решений. Нужно оперативно, максимум в установленные законом сроки, выбрать один из двух вариантов:

- перевести ситуацию в режим благоприятней судебной перспективы: обосновать состав (составы) преступления, доказать его (их), подготовить и реализовать средства преодоления противодействия и далее – рассмотреть возможность и целесообразность проведения названной тактической операции;

- решить вопрос о прекращении уголовного преследования (отказать в возбуждении дела) по инициативе стороны обвинения, пока этого же не добились сторона защиты.

На наш взгляд, нужно шире вводить в научный оборот и всесторонне анализировать категорию «судебная перспектива по делу». Например, рекомендации по тактике производства отдельных следственных действий, частные криминалистические методики расследования, поддержания государственного обвинения и судебного разбирательства должны формироваться с учетом необходимости ориентировать правоприменителя в вопросах правильной оценки судебной перспективы в той или иной типичной оперативно-розыскной, следственной, судебной ситуации, с учетом которой давать советы по принятию законных, обоснованных, стратегически и тактически выверенных решений, в том числе по вопросу о тактике применения норм гл. 40 УПК РФ.

1.3. Особенности правового регулирования особого порядка принятия судебного решения, предусмотренного гл. 40 УПК РФ

В рамках обозначенной в разделе 1.1 тенденции развития компромиссных процедур в 2002 г. вместе с вступлением в законную силу действующего УПК РФ в уголовном процессе нашей страны появился правовой институт, который дает возможность сокращения судебного разбирательства при наличии ряда законодательно установленных требований²⁰. Свою правовую регламентацию данная форма сокращенного судебного разбирательства нашла в гл. 40 УПК РФ «Особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением».

Период обсуждения проекта УПК РФ сопровождался жаркими спорами о необходимости законодательного закрепления подобной сокращенной формы судебного разбирательства. Нашлись противники этого тогда еще нового

²⁰ Положение о том, что особый порядок судебного разбирательства при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением является правовым институтом, убедительно доказано рядом ученых. См., например: Мониц М. В. Особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением: дис. ... канд. юрид. наук. – Иркутск, 2007. – С. 87–92.

правового института²¹. Вместе с тем были и те, кто оценивал его как положительную тенденцию в развитии отечественного уголовного процесса²². Однако, несмотря на отрицательное отношение части научного сообщества и практических работников к возможности введения данной новеллы в российский уголовный процесс, особый порядок был законодательно регламентирован в УПК РФ.

Перед тем как приступить к прикладным рекомендациям в рамках криминалистического обеспечения применения следователем норм об особом порядке, кратко проанализируем некоторые вопросы его правовой регламентации, имеющие существенное значение для разработки и внедрения рекомендаций криминалистического характера.

В ст. 314 УПК РФ обозначены основания, которые дают суду право при наличии ходатайства обвиняемого постановить приговор без проведения развернутого судебного разбирательства. Однако следует отметить, что в указанной статье содержатся не только основания применения особого порядка принятия судебного решения при согласии обвиня-

²¹ См., например: Петрухин И. Л. Сделки о признании вины чужды российскому менталитету // Российская юстиция. – 2001. – № 5. – С. 35–37.; Михайлов П. Сделки о признании вины – не в интересах потерпевших // Российская юстиция. – 2001. – № 5. – С. 37–38.

²² См., например: Милицин С. Сделки о признании вины: возможен ли российский вариант? // Российская юстиция. – 1999. – № 12. – С. 41–42; Лазарева В. А. Легализация сделок о признании вины // Российская юстиция. – 1999. – № 5. – С. 41.

емого с предъявленным ему обвинением, но и некоторые условия применения этого правового института.

Между тем разграничение между «основаниями» и «условиями» особого порядка принятия судебного решения имеет принципиальное значение, в том числе в аспекте настоящего исследования. И здесь нам хотелось бы привести сформулированные В. В. Дьяконовой определения оснований и условий особого порядка. Так, основания особого порядка, предусмотренного гл. 40 УПК РФ, – это установленные уголовно-процессуальным законом существенные признаки, при наличии которых обвиняемый вправе заявить ходатайство в соответствии со ст. 315 УПК РФ. В свою очередь, условия, которые делают возможным реализацию рассматриваемого уголовно-процессуального института, – это указанные в законе правовые требования, предъявляемые к реализации обвиняемым предоставленного ему права на постановление приговора без проведения судебного разбирательства в общем порядке²³. При этом только совокупность оснований и условий делает возможным постановление приговора судом в порядке гл. 40 УПК РФ.

Отдельные авторы²⁴, руководствуясь действующей редак-

²³ Дьяконова В. В. Особый порядок судебного разбирательства в уголовном судопроизводстве Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2005. – С. 93–94.

²⁴ Рыбалов К. А. Особый порядок судебного разбирательства в Российской Федерации и проблемы его реализации: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2004. – С. 30–47; Дьяконова В. В. Указ. соч. – С. 55–95; и др.

цией УПК РФ, как правило, выделяют два основания:

1 согласие обвиняемого с предъявленным ему обвинением (ч. 1 ст. 314);

2 наличие ходатайства обвиняемого о постановлении приговора без проведения судебного разбирательства в общем порядке (ч. 1. ст. 314).

Что касается условий, которые позволяют постановить приговор без проведения развернутого судебного разбирательства, то здесь мнения юристов расходятся. Ряд авторов, с которыми мы склонны согласиться, раскрывая соответствующие положения действующего УПК РФ, выделяет следующие условия:

1 обвиняемому предъявлено обвинение, наказание за которое, предусмотренное санкцией соответствующей статьи Уголовного кодекса РФ (далее УК РФ), не превышает 10 лет лишения свободы (ч. 1. ст. 314);

2 обвинение, с которым согласился обвиняемый, обоснованно подтверждается доказательствами, собранными по уголовному делу (ч. 7. ст. 316.7);

3 обвиняемый осознает характер и последствия заявленного им ходатайства (п. 1. ч. 2. ст. 314);

4 ходатайство обвиняемого о постановлении приговора без проведения судебного разбирательства заявлено добровольно и после проведения консультаций с защитником (п. 2 ч. 2 ст. 314);

5 ходатайство заявлено в присутствии защитника (ч. 1 ст.

315);

6 ходатайство заявлено либо в момент ознакомления с материалами уголовного дела, либо на предварительном слушании, когда оно обязательно (п. 2 ст. 315);

7 государственный или частный обвинитель согласен с заявленным обвиняемым ходатайством о постановлении приговора без проведения судебного разбирательства в общем порядке (ч. 1. ст. 314);

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.